

Рачинский Сергей Александрович

**Письма С.А. Рачинского к
духовному юношеству о
трезвости**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Александрович Р.**
Письма С.А. Рачинского к духовному юношеству о трезвости / Рачинский
Сергей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 95 с.

ISBN 978-5-519-80400-4

ISBN 978-5-519-80400-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II-е письмо.

Любезный N.

Татевъ 16 Декабря.

Нынѣшнимъ лѣтомъ посѣтилъ меня одинъ изъ кандидатовъ Петербургской Духовной Академіи. Онъ родомъ изъ Гжатска, и ему пришлось ѣхать Вяземско-Ржевскою желѣзною дорогою. Въ N. вмѣстѣ съ нимъ сѣли въ вагонъ десятокъ воспитанниковъ N. Духовнаго Училища, мальчики 12—14 лѣтъ. Мой пріятель (человѣкъ прекрасный) съ ними разговаривалъ, и мальчики оказались воспріимчивыми къ его доброму слову, какъ всѣ мальчики этихъ лѣтъ. Дѣло было вечеромъ. Ребята расположились ужинать въ вагонѣ, причемъ успѣлись тѣсною кучкою, что-то тщательно скрывая...

И что-же? Черезъ десять минутъ шестеро изъ десяти мальчиковъ оказались совершенно пьяными, и принялись шумѣть и сквернословить. Насилу удалось уложить ихъ спать. Между пьяными мальчиками были сыновья извѣстныхъ свидѣтелей этой сцены добрыхъ священниковъ, людей совершенно трезвыхъ.

Требуешь-ли этотъ разсказъ комментаріевъ? Бѣднымъ этимъ мальчикамъ въ училищѣ, конечно, *запрещалось* пить. Но они ежедневно *видѣли* пьянство своихъ наставниковъ и начальниковъ (увы! академистовъ). И вотъ, эти дѣти, эти будущіе пастыри безсознательно возложили на себя позорную цѣпь, которую будутъ влечить до гробовой доски. Ибо алкоголизмъ, привитый въ дѣтствѣ, упоренъ и едва побѣдимъ. Онъ въ корень подрываетъ волю, онъ обращаетъ человѣка въ тряпку, обрекаетъ его на животное прозябаніе или на изнурительную борьбу его лучшаго *я* съ губительнымъ позывомъ,—борьбу слишкомъ часто кончающуюся сумасшествіемъ, раннею смертію. Обратили-ли вы вниманіе на распространенность психическихъ разстройствъ въ духовныхъ семьяхъ? Вникните въ генеалогію этихъ семей. Въ большинствѣ случаевъ вы отыщете корень зла—въ наслѣдственномъ алкоголизмѣ. Говорю на основаніи тщательныхъ наблюденій, и личныхъ, и сообщенныхъ мнѣ опытными врачами.

И это зло—чудовищное, позорное, растетъ и множится въ тотъ моментъ, когда отъ нашего духовенства потребуются напряженіе всѣхъ силъ духовныхъ и нравственныхъ, чтобы стать на высоту настоятельныхъ требованій времени. И положить предѣлъ этому злу, искоренить его, можете только вы, будущіе наставники духовнаго юношества...

Конечно, не искорените вы его никакими поученіями, никакою организаціею призора. Искоренить можете и должны вы его дѣломъ, побѣдою надъ собою, которая одна можетъ дать вамъ силу побѣдить это зло въ другихъ. Вы ли уклонитесь отъ этого дѣла, вы, вооруженный высшимъ духовнымъ образованіемъ, которое обратится въ тлѣнь и прахъ безъ соотвѣствующаго подъема нравственнаго? Посмотрите! безграмотные крестьяне, движимые любовью къ ближнему, отрекаются отъ водки, ограждаютъ 'отъ нея дѣтей своихъ односельцевъ. Темные проповѣдники штунды могучимъ оружіемъ трезвости привлекаютъ къ себѣ еще болѣе темныхъ послѣдователей. Молоканинъ-грамотей издаетъ воззваніе о трезвости ¹⁾, которое могъ бы подписать любой православный. Безмѣрное зло наконецъ вызываетъ реакцію. Но реакцію эту должна взять въ руки Церковь, ради своей чести, ради своей славы, ради милліоновъ, совращаемыхъ лжеучителями, прикрывающими вредное содержаніе своего ученія внѣшнею нравственною истиною.

Трезвость еще не есть нравственность. Но она необходимое условіе всякаго нравственнаго преуспѣянія. Алкоголь отравляетъ и, наконецъ, убиваетъ волю—источникъ всякаго нравственнаго дѣланія. Много добраго и свѣтлаго сохранилось, многое нарождается

¹⁾ «Перестанемъ пить вино и угощать имъ» — листокъ, изданный Сытинымъ.

вновь въ нашемъ духовенствѣ; но сохраненное погибнетъ, но парождающееся не дозрѣетъ, если оно не избавится отъ зѣлющей язвы, поглощающей всѣ его жизненные соки, отвращающей отъ него всѣ сердца.

Предлагаемое мною дѣло для людей зрѣлыхъ и старыхъ тягостно. Для юношей же вашихъ лѣтъ, для васъ лично—оно легко. Поэтому обращаюсь именно къ вамъ. Пьянство каждаго отдѣльнаго священника—тяжелый крестъ для его прихода. Пьянство же пастыреучителя,—а таковымъ будетъ почти каждый изъ васъ—ужасно, ибо послѣдствія его въ жизни цѣлыхъ поколѣній будущихъ пастырей—неисчислимы. Итакъ, не отвращайте вашего вниманія отъ добраго дѣла, но—помогите!

Любящій Васъ **С. Рачинскій** ¹⁾).

III.

Любезный Н.

17 Декабря.

До васъ, конечно, доходятъ настойчивые журнальные слухи (нынѣ опровергнутые) о предстоящей, будто бы въ близкомъ будущемъ, замѣлѣ платы за требы опредѣленнымъ жалованіемъ священникамъ и прочимъ членамъ причтовъ. Не знаю, когда осуществится эта давно намѣченная реформа. Но вы не-

¹⁾ Подпись эта стоитъ въ концѣ каждаго письма.

сомнѣнно до нея доживете. Мало того. Вамъ предстоитъ воспользоваться ею, въ качествѣ священника; еще вѣроятнѣе готовить будущихъ пастырей къ новымъ условіямъ жизни, которыя создаетъ эта реформа; быть можетъ, руководить осуществленіемъ ея въ качествѣ епископа.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта реформа достигнетъ своей цѣли лишь тамъ, гдѣ священники къ ней отнесутся добросовѣстно. Но главное ея значеніе заключается именно въ томъ, что она увеличитъ число добрыхъ священниковъ. Она удержитъ въ духовномъ званіи многихъ добрыхъ юношей вашего сословія, уклоняющихся отъ священства именно вслѣдствіе правдивой тягости нынѣ практикуемаго способа вознагражденія священническихъ трудовъ; привлечетъ она въ ряды священства и немало индословныхъ, имѣющихъ къ нему призваніе.

Всѣмъ священникамъ она возвратитъ много драгоценнаго времени, столь необходимаго имъ для исполненія постоянно осложняющихся ихъ пастырскихъ обязанностей.

Но для священниковъ, преданныхъ пьянству, и поэтому неспособныхъ къ какой бы то ни было пастырской дѣятельности, реформа эта будетъ гибельна. Увы! количество ихъ велико. Совокупность ихъ столь значительна, что можно опасаться самаго крупнаго, самаго прискорбнаго соблазна.

Священникъ, обрабатывающій землю въ потѣ лица своего; священникъ, вынужденный угождать и окрестнымъ крестьянамъ и кабатчику; священникъ, не имѣющій времени ни читать, ни проповѣдывать, еще можетъ разсчитывать, въ случаѣ нетрезвой жизни, на презрительное снисхожденіе.

Но священникъ, избавленный постояннымъ доходомъ отъ гнетущей нужды, коему возвращенъ подобающій досугъ, и остающійся празднымъ и пьянымъ, снисхожденія не встрѣтитъ, а станетъ для всѣхъ сугубымъ соблазномъ и посмѣшищемъ.

Соблазнъ этотъ, во что бы то ни стало, нужно устранить въ настоящемъ и, главное, предупредить въ будущемъ.

Послѣднее—въ вашихъ рукахъ.....

Привозятъ въ духовное училище мальчика изъ деревенской глуши. Дома онъ не пилъ, отца своего не видалъ пьянымъ.

Вниманіе его тотчасъ напряженно устремляется на учителей—этихъ распорядителей его будущю судьбою. Всѣ они люди прекрасные. Они лучше, выше деревенскихъ батюшекъ: движутся они свободно и смѣло, говорятъ умно и красиво. Они похожи на тѣхъ господъ, которые живутъ въ большомъ каменномъ домѣ, около села, и на которыхъ самъ папенька взираетъ съ благоговѣніемъ. А уже учености они безмѣрны: они кончили курсъ въ столицѣ, въ

Академіи. Особенно хорошъ одинъ изъ учителей— молодой, веселый, ласковый. У него множество друзей, таковыхъ-же господъ, какъ и онъ, да и всѣ его любятъ. По вечерамъ онъ ходитъ въ большой вѣчно освѣщенный домъ, самый красивый на улицѣ, въ которомъ господа играютъ въ карты и веселятся. Часто его приводятъ оттуда шатающимся, полусоннымъ, но на другой день онъ опять веселъ, только немного блѣденъ.... Что-жь? Видно, такъ и слѣдуетъ жить людямъ образованнымъ. Веселая эта жизнь, она должна предстоять и намъ.... Но почему-же не попробовать этого веселья и теперь? Вѣдь, пьютъ же многіе изъ товарищей и съ рукъ сходить.... И онъ пробуетъ. Первая рюмка водки его приводитъ въ совершенное опьянѣніе, возбуждаетъ въ немъ никогда не испытанныя радостныя грезы, и эта первая рюмка рѣшаетъ его судьбу. Впредь онъ не упуститъ случая доставить себѣ это смутное наслажденіе,—и поступаетъ онъ въ Семинарію съ укоренившимся уже позывомъ къ спиртнымъ напиткамъ и шесть лѣтъ сряду безпрестанно удовлетворяетъ ему. Позывъ превращается въ привычку, привычка въ потребность, властную, непобѣдимую.

И вотъ, когда роковая петля окончательно затянулась вокругъ его шеи, онъ становится пастыремъ душъ, совершителемъ таинствъ. И обреченъ онъ на всю жизнь лицемѣрить и лгать, и святотатствовать, и

нѣтъ ему исхода, кромѣ отчаянія или полнаго отупѣшя.

Я не сочплю. Все это постоянно вижу. Въ моихъ школахъ постоянно учатся дѣти священниковъ и причетниковъ, и оттуда поступаютъ въ духовныя училища. Туда поступаютъ нѣкоторые мои воспитанники изъ крестьянъ.

Подумайте обо всемъ этомъ—и помогите!

IV.

Любезный N.

17 Декабр.

Въ близкомъ будущемъ весьма возможна передача всѣхъ начальныхъ школъ въ Духовное Вѣдомство, порученіе руководства ими сельскимъ священникамъ.

Вѣдь, это было-бы вполне логично. Съ чего начать просвѣщеніе народа, какъ не съ оглашенія его основными истинами христіанства? Ибо народъ нашъ—крещенный, но еще не оглашенный. Кому поручить попеченіе о нашихъ бѣдныхъ школахъ, затерянныхъ въ захолустяхъ, въ кои едва заглядываетъ разъ въ годъ, на полчаса, учебное начальство, какъ не пастырю душъ, единственному вполне грамотному человѣку въ околоткѣ.

Почему-же одни слѣхи о такой передачѣ возбуждаютъ въ нашей образованной средѣ, даже между

людьми вѣрующими и церковными, — воили негодованія?

Потому, что когда *Сютневъ*, бѣдный грамотей-самоучка, выучившій все Евангеліе наизусть, обратился къ мѣстному священнику за разъясненіемъ своихъ весьма естественныхъ недоумѣній, этотъ пьяный священникъ швырнулъ ему Евангеліемъ въ голову. Потому, — что самое обращеніе крестьянина къ священнику въ подобныхъ случаяхъ — величайшая рѣдкость. Въ девяноста девяти случаяхъ изъ ста крестьянинъ обратится къ доброму сельскому учителю, ко Льву Толстому, ко мнѣ, къ какой нибудь пашковствующей дамѣ. И это вовсе не потому, чтобы онъ считалъ насъ болѣе своего священника свѣдущими въ вещахъ божественныхъ, а потому, что люди простые ищутъ въ своихъ духовныхъ руководителяхъ хоть-какого либо приближенія къ христіанской жизни, хоть какого-либо желанія просвѣтитъ ихъ нравственно. Это естественно, это неизбѣжно.

Порочная жизнь священниковъ ведетъ къ явленіямъ возмущающимъ душу. Толпа крестьянъ пріѣзжающая за двадцать верстъ слушать обѣдню, которая не служится; покойникъ, цѣлыя сутки со всѣмъ погребальнымъ поѣздомъ ждущій отгѣванія; большой, умирающій безъ напутствія, хотя священникъ подъ рукой — все это случайности, безпрестанно повто-

ряющіеся въ приходѣ, ввѣренномъ пьяному батюшкѣ. Располагать прихожанъ къ бесѣдамъ о душевныхъ ихъ алканіяхъ со своими пастырями подобныя случайности не могутъ, тѣмъ болѣе, что самъ пастырь отъ нихъ рѣшительно уклоняется. Уклоненіе это не всегда происходитъ отъ одного отупѣнія и лѣни, неизмѣнныхъ спутниковъ пьянства; но также весьма часто отъ сознанія своего недостойнства, отъ тайнаго упрека совѣсти, не позволяющей священнику поучать словами тѣхъ, которыхъ онъ развращаетъ примѣромъ. Но отъ этого пасомымъ не легче.

Вотъ почему множество людей благомыслящихъ, горячихъ поборниковъ церковнаго характера школы, смотреть на передачу этой школы въ руки духовенства, какъ на сугубую ложь, способную подорвать въ концѣ уваженіе пасомыхъ къ ихъ пастырямъ, вызвать небывалое еще въ Россіи сектантское движеніе.

Я лично смотрю на дѣло не столь мрачно. Есть въ средѣ нашего духовенства доблестное меньшинство, по-христіански относящееся къ своему призванію. Но не на него возлагаю я мои надежды. Меньшинство это тонетъ и гибнетъ среди враждебнаго ему большинства. Всѣ мои надежды возлагаю на учащееся духовное юношество, въ настоящую минуту — на васъ лично, коему пишу эти строки. Васъ еще не засосала тина вѣками выросшаго зла. Глаза ваши не закрыты,